

Примечания

1. Толстой М.В. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 11.
2. Евгенийевский сборник: Материалы для биографии митрополита Евгения. СПб., 1871. С. 7-8.
3. Протокол 10-го заседания Археологической комиссии, состоящей при Псковском губернском статистическом комитете от 20 мая 1876 года. Псков, 1876. С. 8.
4. Псковский городской листок. 1889. №№ 77, 80, 83.
5. Псковские епархиальные ведомости. 1897. №№ 4, 6-13, 15, 16.
6. Русская старина. 1890. № 10. С. 579-580.

В статье использованы также сообщения газеты "Псковские губернские ведомости": 1870 - № 24; 1873 - № 38; 1874 - № 14; 1876 - № 28; 1887 - № 25.

Г.В.Проскурякова

Волышовская старина*

12. СОСЕДИ - КРЕСТЬЯНЕ (Продолжение)

О ТРУДЕ порховских крестьян жители села Волышова знали мало, о нем можно было судить лишь по косвенным признакам: как бедно и трудно жили крестьяне, как хотели и не были в состоянии учить своих детей, как тяжело болели, как много было надорвавшихся в работе мужчин и женщин. Каждый день с этим сталкивались волышовский фельдшер и врач из Александрова.

Слово "скобарь" почему-то приобрело в России оттенок осуждения и иронии.¹ Он понятен только в том случае, если его воспринять исторически: в Петербург приходили и переселялись выходцы из многих губерний (Псковской, Тверской, Ярославской и других), и возникали прозвища - скобари, водохлебы и т.д. По сравнению с переселившимися ранее новые жители выглядели неловкими, робкими, а иногда и излишне заносчивыми.

Крестьяне - соседи Волышова, уже вследствие экономической отсталости своего уезда, никакого обидного прозвища не заслуживали; высокий процент неграмотных, как и примитивные условия труда и жизни, были их бедой, а не виной. Психологический склад крестьян Порховского уезда был достаточно сложным,

* Продолжение. Начало в №№ 3/95 г.; 5/96 г.; 6/97 г.

1. Вернее всего, это слово произошло не от слова "скоба", как часто думают ("скобарей" среди ремесленников не встречается), а от искаженного названия Псковской губернии - Скопской.

как у всех людей, живших в России перед революцией 1917 года, и отличался рядом самых привлекательных, достойных уважения черт.

То, что написано ранее о “праздничных”, - это, пожалуй, самое неприятное, о чем нужно было сказать. Обычно редкие часы отдыха в деревнях проходили разнообразно и с удовольствием - в зависимости от возраста и состава семьи. Чистили, убирали и украшали избу и улицу. Например, развешивали траву и цветы перед днем Ивана Купалы; ставили березки перед Троицей, снежные бабы - зимой; в избе расстилали красивые домотканые половики. Под каждое воскресенье топили бани, а утром многие шли в церковь. Это иногда приходилось делать недобровольно: за поведением мужчин следили власти, школьников посылали в церковь учителя. В вольшовской церкви постоянно бывали крестьяне из ближних деревень: аккуратно одетые, слева от входа - женщины, справа - мужчины, они выстаивали всю службу, находя, видимо, какое-то удовольствие в красивой обстановке (свечи, ковровые дорожки, иконы и позолота на стенах), в душевной проповеди и складском пении. Во время пасхальной службы бывало очень тесно, но порядка никто не нарушал.

Молодежь, кроме “гуляний” на улице, в своей деревне и в соседних, “под гармонь”, собиралась чаще всего осенью и зимой на “супрядки” (от слова “прясть”). Девушки приходили в большие избы, к разным хозяевам поочередно или в одну избу, сговариваясь с одной хозяйкой, со своими прялками и начинали работать. Парни составляли им компанию, каждый старался или сесть поближе к выбранной им девушке или пойти ее провожать. Разговоры, песни, иногда появление нового человека, иногда затейная здесь игра скрашивали однообразную работу, развлекали, помогали расти и жить.

На супрядки старались проникнуть и дети, в некоторых деревнях возникали “маленькие супрядки”. В таком повседневном общении выделялись свои заводилы - затейники, свои стихотворцы - авторы “частушек” и свои плясуны.

Людей старшего возраста иногда приглашали в школу - посмотреть “туманные картины” через проекционный фонарь (“волшебный фонарь!”), послушать беседы учителя, а в вольшовской школе еще и граммофонные пластинки. Очень любили многие крестьяне и, пожалуй, особенно крестьянки слушать чтение. Мало у кого были книги, их доставляли с великим трудом и главным образом детские, но в Вольшове выписывались почти на каждый дом газеты и журналы. Прочитанные, они часто попадали в деревню, в конце концов их скуривали, но романы с продолжением, печатавшиеся во многих газетах, обычно прочитывались.

Вольшовская молодежь обычно имела в окружающих крестьянах благодарных зрителей и слушателей. В 1909-1912 гг. в селе образовалась любительская “труппа”: молодые служащие вместе с приехавшими в отпуск родственниками и с молодежью из Типинки, Захонья, Бельского Устья летом начали ставить водевили, а иногда и серьезные пьесы. Управляющий разрешил оборудовать один из больших сараев конезавода, сделали сцену, скамьи, освещение. Собственный вольшовский художник - студент - расписал занавес. Вершиной этой деятельности стала постановка “Ревизора”, для которой даже сшили костюмы.

Через несколько лет “труппа” очень помолодела: из нее вышел первый состав, достигший сорокалетия, и вступили их ребята, в том числе совсем “зеленые”, по 12-13 лет.

Достаточно было повесить маленькие объявления на дверях почты да еще в Максаковском Бору на одной из лавок - и "зал" был неизменно полон, хотя даже брали какую-то крошечную плату за вход - на керосин и "декорации". И что бы ни шло, хотя бы несколько маленьких пьесок, "артисты" старались изо всех сил, волновались перед поднятием занавеса, бывали счастливы после каждого спектакля, потому что зрители сидели с горящими глазами, тишина была полная, нарушаемая только смехом и возгласами при появлении особенно удачно загримированного действующего лица. А в конце действий и всего спектакля - аплодисменты обязательно, аплодисменты такие горячие, что из нескольких вольшовских любителей потом выросли артисты-профессионалы.

Теперь-то понятно, как благодарность и снисхождение были заслужены артистами, долгая память, признательность и уважение - зрителями, шагавшими из соседних деревень по 3-4 версты в один конец ради такого "серьезного" зрелища. Любителями сценического искусства были люди разного возраста, совсем не обязательно молодежь. В спектаклях иногда принимали участие и родители, и дети.

Но была другая область культуры, в которой главенствовала молодежь - сочинение "частушек". Текст в четыре строчки, размер - четырехстопный ямба или хорей. Они пелись, а скорее даже выкрикивались на гулянье, под аккомпанемент гармони. Часто выступали два солиста, и получалось вроде состязания.

Теперь фольклористами собраны обширные собрания таких коротких песенок, их разнообразное содержание и поэтические приемы оценены по достоинству.

Рисуя психологический облик порховского крестьянина, жаль пройти мимо такого источника, как местные частушки. Их авторы и современники оставили для истории так мало собственноручно написанных документов! А частушка ведь сочинялась даже и неграмотными. Что если взять несколько десятков частушек, сохранившихся в памяти одного-двух современников начала XX века, и дать их на суд читателя 90-х годов XX века? Пусть он попробует разделить их на поэтические и непоэтические, на содержательные и, скажем, не очень и потом решит, узнал ли он что-то новое о молодом человеке, жившем в далекой провинции накануне Октябрьской революции.

Автор сделал классификацию песенок по своему усмотрению, стараясь обратить внимание на разные оттенки содержания.

1. ЧАСТУШКИ, ЦЕННЫЕ ТЕМ, ЧТО СОДЕРЖАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРХОВСКИЕ НАЗВАНИЯ

Стоит Тишинка на горочке
И от солнышка горит,
Есть в Тишинке девчоночка -
По-модну говорит.

Меня сватали в Фролово -
Я хочу в Базыково.
У меня был платочек белый -
Я его прозыкала.²

Попадиночка - деревня
Посередке треснувши;
У попадинских у девчонок
Под носом заплесневевши.¹

Вольшовские псари
Издали что короли.
Подойти-т-ка к ним поближе -
Настоявши кобели.³

1. Говорит чувство зависти: Попадинка рядом с уездным городом Порховом.

2. Наверно, отдала жениху из Фролова и теперь жалеет

3. Комментарий дан выше.

Распроклятая машина
Идет задом наперед,
А и порховских девчонок
Никто замуж не берет.¹

Как на Стрицкой Теребешке
Переход березовый...
Повидала бы миленка
В рубашонке розовой.

Ветер воеет и бушует,
Навевает холоду.
Мой миленок в Петрограде
Помирает с голоду.²

2. ЧАСТУШКИ О РЕКРУТСКИХ НАБОРАХ

Вы не лайте-т-ко, собаки,
Не рычите, кобели,
Самолучшего миленочка
В солдаты увели!

Мово братку и приятку
В один год будут сдавать.
Я по братке буду плакать,
По приятке помирать.

Я записанный гуляю,
А в кармане молоток,³
Мне придется на приеме
Повалиться без порток.

Нас забрили, нас забрили,
Нас забрили, брат, с тобой.
Брат на брата поглядели,
Покачали головой.

3. ДЕВИЧЬИ ЛИРИЧЕСКИЕ

На горе-горушечке
Сидели три кукушечки;
Золотые лапочки,
Снеси поклон приютчке.

Не упрекай, мой дорогой,
Что я с построечки худой:
Ты не с построечкой гуляешь,
А с девчонкой молодой.

За рекой собака лает -
Маленький щененочек.
Хорошо в гармонь играет
Ванька-цыганеночек.

Ах, ты, Гриша, косой ворот,
Не поедешь ли ты в город?
Купи зыбочку-сузыбочку
Курносочку качать.

У меня ли черны брови,
Беспокойная я.
Одного люблю парнишку -
Успокойте меня.

Стоит елочка на горочке
На самой высоте.
Создай, боже, помоложе
По моей по красоте.

Золото мое колечко,
Золотое с пробою.
Поздравляю вас, миленок,
С новою зазнобою.

Сидит ворона на суку -
Черная, печальная.
Купи, батюшка колечко
Золото, венчальное.

1. Опять "машину" и девчонок порочат из зависти.

2. Намек. Частушка очень ценна и хронологически определяется 1919 годом.

3. Намек на то, что гулянья во время рекрутского набора сопровождалась иногда драками.

Золотые мои руки,
Серебряны пальчики.
У меня было три колечка -
Теперь носят мальчики.

Интересная травинка
В полечке метлиночка.
Из-за людей мы расстаемся,
Моя ягодиночка.

Нету, нету пистолета
Убить серу уточку.
Милый в город мой поехал -
Погоди минуточку.

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу.
Брось-ка, миленький, тесемочку,
Я к тебе перебегу.

Стоит береза на юру,
Ветерку покорная,
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное.

Неинтересное гостинце -
Интересна баночка,
Неинтересное гулянье -
Интересный Ванечка.

Много песен, много басен
Про тебя, Микола Васин,
Про тебя и про меня -
Про нас обоих гомоня.

Какой долгой, какой нескладный,
Только веники ломать,
Провожал меня до дому -
Не сумел поцеловать.

Не приходит раз на раз:
Рябина красная гораз,
Рябина красная, как кровь,
А с милым кончилась любовь.

Войду в воду по колени,
Опущу печаль на дно.
Пускай миленький красуется,
Пускай болит сердце мое...

Балалайка, балалайка,
Балалайка - стуколка.
Мой миленок - короленок,
А я свонна куколка.

Дорогая, дорогой,
Дорогие оба.
Дорогая дорогого
Довела до гроба.

Ягодиночка, на вас
Сердита девушка гораз:
Неужель не выбрать времечка
Прийти в неделю раз?

Мы с пряточкой сидели,
Подпирали уголок.
Не стерпело мое сердце,
Я открылась в тот денек.

Я у Коли в коридоре
Сосчитала лесенки,
Я под Колину тальянку
Запевала песенки.

Ах ты, Коля - колистый,
Какой ловкой, забористый!
Провожала Коленьку
За новеньку часовенку.

Поцелуй меня, миленок,
Без отдыху сорок раз -
Я тогда только поверю,
Что влюбляешься гораз

4. ДЕВИЧЬИ НАСМЕШЛИВЫЕ

Не форси ты, трехкопеечный,
Найду и в четвертак,
Не робливого десятка -
Проголяю вечер так.

Не пойду на ту реку,
Котора близка к кабаку:
Там мой миленок-пьяница
Кул кабака валяется.

Шла я лесом, свистнула,
Приятку в ели тиснула.
Тебе за дело, сатана,
Что много знаешь про меня.

Завлекательные глазки
У теленка нашего:
Завлекают с самой пасхи
Поросенка нашего.

5. МУЖСКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ

Сколько раз я заветался
В тую супрядку ходить,
Сколько раз я зарекался
Ту девчонку не любить!

Мне на пуд гороху надо -
Мне одну горошину,
Мне не всех девчонок надо -
Мне одну хорошеньку.

У тальянки медны планки
Тонки, звонки голоса.
У моей родняхи Тани
Очень вьются волоса.

Золото мое колечко
По полу катилося.
Не люблю тебя я больше,
Любил - разлюбилося.

Хорошо траву косить,
Которая зеленая.
До чего тебя люблю,
Милая, смышленная!

Голубую мою пару
Мне порезали ножом.
Самолучшую милаху
Отобрали грабежом.

Милая, любимая,
Свеча неугасимая,
Горела, да растаяла,
Любила, да оставила.

Мою миляшку сватали,
Меня под печку прятали,
А мне под печкой не сидеть:
Дай на приятку поглядеть.

6. МУЖСКИЕ ШУТОЧНЫЕ

На гулянье сын собрался,
Матка дала пятак,
Вышла в сени, прошептала:
"Не напейся, дурачок!"

Моя нога на дороге,
Голова моя в кустах;
Проломили мне головку
В двадцати местах.

Сорок лет коровки нет -
Маслом отрыгается.
На дворе один петух
Жеребцом ломается.

Я курил, курил махорочку,
Теперь курю табак.
Я любил, любил девчоночек,
Теперь старых баб.

На осиновых дровах
Сидели восемь побирах.
Они ругаются, дерутся,
Только торбочки трясутся.

Сидит кошка на окошке,
Вышвивает себе хвост,
Прошла маслена неделя,
Наступил великий пост.

В языке частушек отразился исчезающий местный диалект. Исчезал он уже и тогда, когда они сочинялись. Раньше всего стирались особенности произношения - аканье, цоканье. Быстро распространялась вполне литературная речь, прежде других у мужчин, потому что почти все они уезжали, и иногда надолго, из своих деревень - на военную службу, на заработки. Молодежь еще иногда подсмеивалась над теми, кто, вернувшись домой, заговорил "по-модному", "зачтокал". (в деревне говорило правильно - "што", а в городе манерно - "что"), но диалекты неуклонно, где раньше, где позднее.

Однако в словарном составе речи псковичей гораздо упорнее и дольше, чем акцент, сохранялись и сохраняются некоторые слова. И это, наверное, потому, что их нельзя заменить другими без ущерба, без утраты ими своего значения.

Вот несколько примеров. Слово "гораз" неоднократно встретилось в частушках. Грамотно было бы написать "горазд", но значение сразу изменится: "гораз" значит очень, но от него происходит сравнительная степень "гораже". Подобного слова не образуешь ни от "горазд", ни от "очень". (Пример употребления: "Обоих сыновей гораз жалею, но младшего гораже"; "Вчера плечо заболело, а сегодня болит еще гораже".)

"Вережаться" значит 'носить тяжести', но псковское слово, в отличие от литературного выражения, короче и богаче по содержанию. Это же можно сказать о словах "навыреть" ('наловчиться', но "навыреть" предполагает медленное приобретение навыка); "упакать" ('угодить, подобрать лучший способ'); "замаять" ('утомить, но в очень сильной степени'); "лесть взацон" ('задираться', но подчеркивается особая агрессивность "зацона"); "недяглый" ('слабенький', от исторического - неспособный нести тягло); "сомлеть" ('почувствовать сильную дурноту') "завалиться" (про вещь "упала", а про человека - "завалился", слово это образное).

Есть слова, выражающие особые понятия (до сих пор речь шла о действиях - глаголах): "устебина" ('каприз', но много устойчивее каприза); "перехватка" ('всякая еда между завтраком, обедом и ужином'); "паужин" ('еда перед ужином'); "уручина" ('приспособление для работы', но не орудие - 'палка, сук, доска, железина и т.д.');

"попасть в ужожи" ('попасть в очень хорошие условия, где будут ухаживать - кормить, греть, покоить').

Может быть, еще живы и такие незаменимые слова, как "зыбка" ('колыбелька' - деталь избы), "бобка" ('игрушка', но не настоящая - обломок зеркала, деревяшка, самодельная кукла или погремушка), обидное слово "проява" (не только 'пройдоха', а скорее 'пройдоха и нахал' одновременно).

Все эти "провинциализмы" не портят, а, пожалуй, обогащают устную речь, делают ее более индивидуальной и эмоциональной.

Волышовское, в значительной степени многонациональное общество училось такой речи от соседей-крестьян.

Рассказ о них будет неполным, если в нем не появится ни одного живого человека, ни одного хотя бы самого скромного героя или героини.

Лучше всех были знакомы жителям села те, кто почему-либо надолго в нем поселялся, оставаясь в то же время постоянным жителем деревни. Это были "прислуги" (теперь бы их назвали уборщицами) и рабочий персонал конезавода - девушки и молодые мужчины, приходившие из соседних деревень ради заработка, затем возвращавшиеся к себе домой уже самостоятельными хозяевами и хозяйками.

Одна из них - Маша Лисенская (из Лисья) была немолодой и замуж не вышла, остальные - красавица и умница, похожая на цыганку Проса, кудрявая, тоненькая, белокурая Сюта и ловкая, стройная, но рябая Саша. После трех-четырех лет жизни в селе все вернулись "на крестьянство". Те 4-5 рублей, которые они получали ежемесячно, кроме вольшовских "харчей", были очень заметным подспорьем в хозяйстве братьев - говоря о Маше - или родителей.

Хотя все четверо были совсем разные по характеру и склонностям, у них была общая черта - восприимчивость к требованиям незнакомой ранее, почти городской жизни и ее внешней культуры и - у трех молодых, особенно у Просы, - любознательность, желание научиться всему, что было вокруг, узнать и понять побольше из всего, о чем говорилось.

Маша была самая аккуратная из всех, для нее чистота была потребностью; и амбулатория, и квартира фельдшера, и собственное ее помещение во втором этаже сверкали чистотой. Тихая, немногословная, очень набожная, она была страшно медлительной, поэтому ни часу отдыха у нее не было - и такая ее черта беспокоила совесть ее хозяек и сердила мужчин-хозяев. Когда она вернулась в Лисье, братья построили ей крошечную избушку, Маша поставила около русской печки несколько плетеных стульев - как в городе - навела обычную благоговейную чистоту. Деньги, заработанные ею, наверно, поддерживали братьев, потому-то они при своем "справном" хозяйстве приютили старшую сестру.

Из остальных троих Проса была самой способной: она переняла правильную речь, научилась стряпать и шить, узнала многое из того, что знала хозяйка, и жила в Вольшове с большим удовольствием.

Беленькая Сюта - противоположность Просы во внешности - была самой быстрой, неутомимой в работе, очень много успевала и в амбулатории, и в доме, и в саду, и у нее оставалось больше, чем у всех остальных, свободного времени. И если Просе было не жаль подолгу оставаться, чтобы разговаривать с хозяйкой, то Сюта научилась тому, чего не умело большинство хозяек в Вольшове - она любила парк и цветники, она старалась хоть не каждый день, но погулять перед вечером. У нее нашелся вскоре постоянный спутник - сын вольшовского старосты. Леша был самым красивым и хорошо одетым парнем в Вольшове - высокий, тонкий, черноволосый, разговорчивый, и они с Сютой были парой, что лучше не придумаешь. Для приличия что ли или из осторожности на прогулки Сюта брала маленькую дочку автора воспоминаний. Как и все крестьянки, работавшие в Вольшове, Сюта была из ближней деревни, часто навещала родных, бывала на воскресных гуляньях, откуда приносила новые частушки, но о доме она не любила рассказывать и возвращалась часто опечаленной.

Саша лучше всех прижилась в доме, куда поступила. Когда она принаряди-

лась и научилась ходить без платка, в юбке и кофточке и в башмаках, а не босиком, оказалось, что она почти такая же хорошенькая, как Сюта: только на первый взгляд ее портили седы оспы на румянном лице.

Шла уже первая мировая война, жизнь делалась дороже, и труднее, и тревожнее. Хозяйничать приходилось поэкономнее, и Саше было труднее работать по дому, чем остальным. Вместе с тем, старше делались хозяева, больше бывало гостей, очень много стало больных, потому что росло доверие к фельдшеру - Саша так хорошо со всем справлялась, что хозяйка могла и пить на всю семью, и учить детей. На кухне, в комнатах, во всем был полный порядок.

Но вот что горько и стыдно вспоминать: считалось в порядке вещей, что все четверо были и остались неграмотными! И ни учитель, ни хозяйки в селе не попытались поколебать этот скверный порядок. Способные, много узнавшие, молодые женщины отлично знали, что впереди одна дорога - выйти замуж и зажить в своей избе совсем не так, как живут в Вольшове. Может быть, еще в еде что-нибудь привьется, а так постепенно все забудется как наносное и чужое.

Родители девушек, работавших в Вольшове, радовались тому, что дочки "при них", что удалось не отправить их "в Питер", где порой случались самые тяжелые повороты судьбы. Но и в Вольшове (а может быть и вдеревне?) чаще всего жизнь этих девушек из бедных крестьянских семей складывалась однообразно и плохо: встречался свой, как казалось, суженый, потом возникали любовь и надежды, потом он уходил в солдаты или семья была недовольна выбором, потом часто появлялся внебрачный ребенок, а дальше, чаще всего, замужество без любви и горемычная судьба этого первого ребенка.

Вольшовские хозяева вмешивались в такие судьбы: так, благодаря этому, Проса, красивая и дерзкая Проса, вышла замуж за своего избранника - тихого, честного, но очень обыкновенного Васю Богачева, по прозвищу Мучка. Он был кучером на арабской конюшне, почему-то боялся жениться на Просе, но добрые начала в нем все-таки взяли верх.

Ничего не получилось у Сюты с Лешей Старостиним: может быть, они и не были влюблены друг в друга, но после ухода Сюты из Вольшова сразу началось у нее какое-то трудное, невеселое замужество. За несколько лет, не больше, чем за пять, ее нельзя было узнать: один за другим рождались дети, сил и проворства не хватало, чтобы углядеть за ними и за хозяйством; вместо кудрявой тоненькой девушки приходила измученная немолодая женщина, низко повязавшая платком угловатое сухое лицо, и даже глаза, казалось, выцвели.

Судьба "рябой" Саши была еще труднее: она долго - и сначала "по-хорошему" - "гуляла" с парнем, пришедшим в Вольшово на работу также из деревни, но, когда пришло время сыграть свадьбу, степенный, неглупый, казалось, хороший человек наотрез отказался, не помогло ничье вмешательство. Родился мальчик, его пришлось оставить у родителей, а Саше снова "идти в люди". Года через три она вышла замуж за вдовца, стала хорошей хозяйкой, но "быль молодцу не укор", а женщине и ее ребенку тогда было не избежать и укоров, и унижения. Как и Сюта, Саша своего мужа никогда в Вольшове не показывала, в гости не привела, не то что красивая Проса, дружно и весело жившая со своим скромным Васей. Когда их старшая дочь в 16 лет пошла по примеру матери "в няньки", в Ленин-

град (отец ее рано умер), в хорошо знакомую по Вольшову семью, первое, что она сделала - записалась учиться грамоте. Это было в год десятилетия советской власти, культармейцы - учителя и комсомольцы с производства - стремились сделать Ленинград городом сплошной грамотности, и отличная нянька из деревни Буриска легко усвоила программу ликбеза.

Мужчины-крестьяне в деревнях вокруг Вольшова были очень разными и по взглядам, и по поведению. Бывали среди них забитые, темные, рвавшие к выпивке как к главной доступной для них радости, но запомнились не они, а другие - спокойные, грамотные, с хорошей правильной речью и чувством собственного достоинства.

Конюхом на одной из конюшен был отслуживший военную службу Иван Левугин (или, может быть, правильно Лаугин?). Он красиво исполнял свою работу, и с ним было интересно разговаривать. По слухам, потом он участвовал в установлении советской власти в Тишинской волости. В деревне Исаково жили братья Рубины, Алексей и второй, имя которого забылось. Они пользовались уважением и односельчан, и вольшовцев. Грамотно вели крестьянское хозяйство, выписывали газеты, и быт в их семьях отличался от старозаветинского.

На хуторах хозяева тоже были обходительными, грамотными, вежливыми, но в их поведении чувствовался умысел и расчет: они старались привлечь покупателей, поднять свой авторитет, боялись общественного мнения, которое относилось к ним с большой осторожностью. А среди рядовых крестьян-общинников бывали люди живые и приветливые, что называется, "от души". Человек, знавший больше, чем они, вызывал их интерес, особенно если мог что-то рассказать, ответить на вопросы. В деревне Вельяк крестьянин среднего достатка, Степан Федорович Федоров, был именно таким живым и общительным человеком, из его неказистого дома не хотелось уходить: было уютнее, чем во многих домах помещиков или священников. Такие крестьяне были внимательны и приветливы даже к детям служащих из села.

В Вольшово приходили еще время от времени представители разорившихся крестьян - нищие. К чести сельских бедняков надо сказать, что за подаванием из них обращались немногие, и почти всегда в исключительных обстоятельствах, главным образом, погорельцы. Об их беде в округе знали, или они носили об этом бумагу из волости. Еще несколько человек приходили время от времени - раз в год, а то и реже. Это были "профессионалы", настоящие люмпены, кочевавшие из деревни в деревню. У всех у них (а их насчитывалось около десятка мужчин и женщин) были черты шутовства или юродства, настоящей или слегка преувеличенной психической неполноценности. В Вольшове они не задерживались, получали еду и милостыню и шли дальше. Их называли иногда прозвищем, иногда по деревне ("Маша Бойницкая", "Вася Кривецкий"), поэтому и приходится упоминать их, говоря о крестьянах.

Реже, чем эти, "свои" нищие, приходили "странники" и "странницы" с рассказами о "святых местах", куда они ходили или ездили на богомолье. Они иногда продавали привезенные откуда-то картины, иконы, камешки. Кроме них, бывали "шарманщики", игравшие под окнами, как в городе, с попугаями, вынимавшими за плату листочки с текстами "на счастье" или предсказаниями.

В селе кто принимал, а кто и не принимал этих странников: их приход был жалким подобием зрелища и развлечения. С местными крестьянами эти пришлые не имели ничего общего.

Кончая очерк о крестьянах, надо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на экономическую и культурную отсталость географического района, XX век начинался событиями, касавшимися всей страны, приводившими в движение все социальные силы.

Одним из таких событий была первая мировая война. Мобилизация ратников запаса, появление первых раненых, первых героев, целые листы в журналах и газетах с портретами награжденных георгиевским крестом - и первые извещения об убитых. В Максаковом Бору семья Барановых потеряла сына, потом имена погибших было уже трудно запомнить и перечислить.

Открывались госпитали, под них оборудовали не только отделения при больницах, но и школы, и жилые дома; близко от Вольшова в только что построенном прекрасном доме в имении князя А.Г.Гагарина "Холомках" были по желанию владельца размещены раненые, в их лечении и уходе за ними принимали участие доктор Г.Г.Рюккер, вольшовский и член семьи А.Г.Гагарина.

В 1915 году, втором году войны, уже сильно чувствовалась дороговизна и продовольственные затруднения, во всей Псковской губернии появилось много беженцев из западных городов, захваченных австро-германскими войсками. В Вольшово приехали несколько разоренных войной семей из Ковно (Каунаса). Мужчин в деревне становилось все меньше, земля оставалась незасеянной, некому было заготавливать корм для скота - в Вольшове в 1916 году все лето работала дружина из старшеклассников Второй петроградской гимназии и Четвертого реального училища.

Жизнь вольшовской "экономии" на вид шла по-старому: хотя уже не работали в селе "канавщики" из западных областей и не столько сена везли крестьяне на графские сеновалы, служащие, в большинстве старики, оставались на своих местах, парк не приходил в запустение, графский дом оставался таким же замкнутым и недоступным, как всегда. Обычных осенних охот, пожалуй, не было, их завсегдатаям было не до развлечений: кто служил в действующей армии, кто устроился в тылу, кто был занят налаживанием связей за рубежом и переводом денег в банки нейтральных стран. По сведениям, доходившим до управляющих из главной конторы, можно понять, что к эмиграции некоторая часть высшего дворянства России готовилась заранее: краха империи ждали.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ВОСПОМИНАНИЯМ Г.В.ПРОСКУРЯКОВОЙ

Л.А. и В.Г.Проскуряковы с родственником, приехавшим с фронта.

Порховъ.

Пригородная деревня.

Порхов. Пригородная деревня. Почтовая открытка начала XX века.

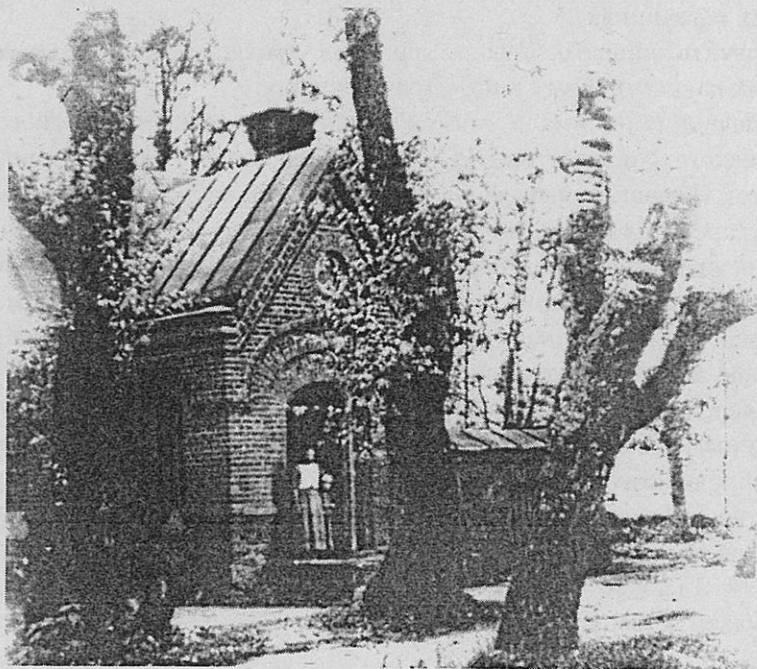
“Дом учителя” 1980-е годы.

“Проводка” гончих собак. Любительская фотография начала XX века.

Семья коноха Главной коношни в с. Вольшово.
Фото 20-х годов XX века.

Сторожка у въезда в усадьбу Вольшово.
Фото 1913-1914 гг. В.Г.Проскурякова.